

Батальон ангелов

Автор:

[Борис Акунин](#)

Батальон ангелов

Борис Акунин

Смерть на брудершафт #10

«Смерть на брудершафт» – название цикла из 10 повестей в экспериментальном жанре «роман-кино». «Батальон ангелов» (фильма десятая, заключительная) посвящен трагической истории первого в России женского батальона смерти.

Борис Акунин

Батальон ангелов

«Лавочка закрыта»

Петроград. Июнь 1917 года

С ума они что ли посходили. За поездку, которая в марте стоила самое большое полтора рубля, привокзальные извозчики требовали пять – и то «со скидкой для георгиевского кавалера». Якобы новая такса установлена Союзом работников извоза. Вместо прежней нагрудной бляхи у каждого ваньки теперь красовалась на рукаве кумачовая повязка, и на ней не номер, а буквы «СРИ» (обозначение

гордого профсоюза). Алексей плюнул. Платить бешеные деньги шайке стакнувшихся вымогателей глупо, торговаться – недостойно офицерского звания, а после трех месяцев фронтового сидения и двух суток в поезде, подолгу стоявшем чуть не на каждом полустанке, пешая прогулка по родному городу будет наслаждением.

Вероятней всего в эти сорок минут и уложится весь тыловой отпуск. Подполковник Козловский не станет зря вызывать срочной телеграммой с фронта. Явишься в управление – тут же запряжет и галопом пустит.

Вообще-то это Алексей первым послал князю депешу с отчаянной просьбой о помощи и ждал от начальства совсем другого ответа.

В хмельные мартовские дни, когда Россия, будто новорожденный птенец, пробивший скорлупу, разевала мокрый клюв и тянулась к весеннему солнцу, когда люди сделались выше ростом, шире в плечах и каждый почувствовал себя участником истории, штабс-капитан Романов, не долечившись после ранения, уехал в действующую армию. Говорили же ораторы на митингах, что сознательный гражданин обязан свято исполнять свой долг, и тогда революционная Россия расправит орлиные крыла, поразит мир своим полетом.

С долгом Алексею было всё ясно. Ходить на демонстрации и слушать зажигательные речи ему нравилось, но демонстрантов в столице хватало без него, а вот хороших специалистов по контршпионажу было мало, особенно на фронте.

Пользуясь связями в руководстве Управления, Романов добыл себе назначение на самый трудный участок – в штаб 12-й армии, расквартированный в Риге. Участок считался тяжелым, потому что балтийский город был густо населен немцами, многие из которых с нетерпением ждали победы германского оружия, а некоторые не ограничивались пассивным ожиданием. Очистка рижского района от шпионов напоминала попытки вычерпать ситом воду: вместо одной выявленной группы немедленно возникали новые. Ситуацию усложняла близость фронта, а еще в большей степени – дырявость передовой линии. Вместо того чтоб сидеть в окопах, солдаты митинговали, дисциплина разболталась, и агенты с той стороны проникали в наш тыл безо всякого труда.

С каждым днем работать становилось труднее. Птенец революции разевал клюв всё шире и пищал всё громче, хлопал крылышками, однако взлетать не спешил. У Романова возникло нехорошее подозрение: что если из скорлупы вылупился не орел, а цыпленок? Покукарекает-покукарекает, да и угодит к немцам в суп?

На Северном фронте, где нес службу штабс-капитан, именно к тому делу и шло. По агентурным донесениям было ясно, что командующий германской 8-й армией генерал Оскар фон Гутьер, тактик сильный и осторожный, начал готовить операцию по охвату Риги. И надо же было случиться, чтобы как раз в этот момент контрразведочный отдел лишился всего личного состава! Остался один начальник.

Неделю назад Романов приступил к финальной стадии большой игры, которая должна была триумфально закончиться задержанием на лесном хуторе сверхопасной диверсионной группы. Для успеха требовалась поддержка пехотного батальона и пластунской сотни: батальон обеспечил бы внешнее оцепление, а казаки вместе с контрразведчиками должны были взять базу штурмом.

Когда счет времени пошел на часы, оказалось, что подмоги не будет. Стрелки на собрании решили в болото не лезть, обмундирование зазря не портить, а пластуны отказались штурмовать без прикрытия.

Не отменять же было с таким трудом разработанную операцию? Алексей вызвал по телефону из Риги весь состав отдела, вплоть до дешифровщиков и радистов. По сути дела, совершил должностное преступление. Однако выпускать немцев с хутора было никак невозможно: разбившись на группы, диверсанты парализовали бы всю систему тыловых коммуникаций – и тогда фон Гутьер раскрыл бы русский фронт одним ударом.

Хутор-то штабс-капитан захватил, но во время штурма и последующей погони потерял всех своих людей. Последнего из уцелевших врагов, командира диверсионного отряда, он восемь часов преследовал в одиночку, несколько раз теряя и вновь находя след. Вся эта история отлично читалась бы в приключенческом романе или смотрелась бы на киноэкране, но в реальности стала одним из самых пакостных испытаний за всю военную жизнь Алексея Романова, а жизнь эта была отнюдь не клумба с настурциями. Утопая в гнилой жиже, облепленный жадным раннеиюньским комарьем, исцарапанный сучьями, он чувствовал себя болотным гадом, гонящимся за юркой водяной крысой. Без

болотного гада, кстати, тоже не обошлось. Оступившись на кочке, Алексей ухватился рукой за пень, а пень оказался живой, развернулся черной лентой, да и цапнул острыми клыками пониже запястья. Если б это была налитая весенним ядом гадюка, тут бы и погоне конец, но оказался уж. Все равно было противно и очень больно.

На одном упрямстве и остервенении добыл Романов главного диверсанта. От усталости и злобы даже живьем брать не стал, хоть и следовало.

В общем, спасибо за такую победу. Немецкое наступление удалось отсрочить, но падение Риги все равно было вопросом времени. Разработает фон Гутьер новую схему, и никто ему теперь не помешает, потому что контрразведки 12-й армии более не существует.

Послал Романов (тому три дня) депешу дорогому другу и любимому начальнику: выручайте, пропадаю, срочно пришлите людей. От Козловского пришел ответ: «Сам пропадаю, Лешенька. Ты не представляешь, какая тут Гоморра. Шпионов больше, чем на фронте, и не скрываются почти. Срочно приезжай!».

Честно говоря, в столицу Алексей отправился с облегчением. Не было больше сил наблюдать, как разваливается на куски не один век строившаяся армейская машина. До чистого источника революции отсюда было далеко, из мутной окопной грязи на поверхность выныривали не «сознательные граждане», а крикуны и мелкие честолюбцы, которым лишь бы подальше от передовой. Ах, как хотелось вернуться в алознаменный, звенящий восторгом Питер, зарядиться его энтузиазмом, романтическим порывом, надеждой!

Штабс-капитан даже на хапуг-извозчиков не очень разозлился – что ж, в этом приниженном, вороватом сословии зашевелились цеховая солидарность и чувство собственного достоинства, пускай в уродливом виде. Эволюция не умеет прыгать через ступеньки, не всё сразу.

Алексей пошел по Загородному проспекту в сторону Владимирского. Идти с чемоданчиком было не очень удобно – он был маленький и нетяжелый, но приходилось тою же рукой придерживать шашку, чтобы правая оставалась свободной для козыряния.

Козырять, впрочем, Романову не пришлось. Солдат на пути попадалось сколько угодно – и группами, и парами, и поодиночке. Но никто из них не подумал салютовать офицеру. Это было еще не самое удивительное. Конечно, нижние чины здорово разболтались и в действующей армии, однако же в Риге штабс-капитану не доводилось видеть солдат, которые шли бы вразвалочку, с папироской в зубах и сплевывали на тротуар; солдат с винтовкой, повешенной прикладом кверху; наконец, солдат явно нетрезвых, распевающих посреди улицы похабные частушки.

С каждым шагом Романов все больше хмурился. Он не узнавал родного города.

Как и в марте, на всех домах висели красные флаги, но за три месяца они запылились, поблекли, стали похожи на тряпки. И весь Петроград тоже словно запаршивел, оброс грязью. Такое ощущение, что после таяния снега дворники не мыли тротуаров, не чистили мостовой.

Вот чего не хватало в городе! Шуршания метел, которыми в былые времена дворники размахивали перед каждой подворотней. Куда они все подевались, бородачи в белых фартуках?

И ни одного полицейского на перекрестках. Городовые со своими «селедками» на боку исчезли еще в марте, очень уж их все не любили. Однако неужели с тех пор столица не обзавелась какой-нибудь революционной милицией? Разве может двухмиллионный город обходиться без уличных блюстителей закона?

Кажется, Алексей здорово ошибался, когда думал, будто священный огонь революции по-прежнему озаряет свой исток. Порядка в Петрограде еще меньше, чем в Риге, где близость фронта и военный режим обеспечивают хоть какую-то дисциплину.

Пешеходная экскурсия по революционному городу завершилась на Фурштатской, где по соседству со штабом упраздненного ныне Жандармского корпуса находилась военная контрразведка – единственный орган, защищавший демократическую республику от вражеского шпионажа.

При виде знакомого рустованного фасада Романов ускорил шаг. Любоваться Петроградом ему расхотелось. побыстрее бы включиться в знакомую работу, забыться делом.

Господи! Что это?

Наверху, на втором этаже, с треском распахнулось окно. Кто-то кинул вниз кипу канцелярских папок, не озаботившись посмотреть, есть ли внизу прохожие. Одна шлепнулась на асфальт прямо перед носом у Алексея, тесемки лопнули, во все стороны разлетелись машинописные листы. В глаза оторопевшему офицеру бросился штамп «совершенно секретно». Романов присел на корточки.

Агентурное донесение на какого-то ораниенбаумского жителя, подозреваемого в пособничестве врагу. Свежее, всего месячной давности!

Из окна летели новые папки.

Ничего не понимая, Романов задрал голову. Только теперь он заметил, что у входа нет часового.

Что здесь происходит?!

Он вбежал в дверь Управления. На проходной, в окошке дежурного, никого. Лестница вся завалена бумагами. С этажей доносится грохот, шум голосов.

Контрразведка переехала? Почему Козловский не предупредил? И, главное, почему не взяли с собой документы секретного делопроизводства?

Или это налет каких-то вконец обнаглевших анархистов? Газеты пишут, что в российской глубинке под воздействием анархистской агитации крестьяне жгут усадьбы и громят волостные канцелярии. Но то в глубинке, а тут Петроград!

Чемоданчик Алексей поставил к перилам, на всякий случай расстегнул кобуру, стал быстро подниматься.

На площадке между этажами стояли и курили трое солдат с повязками на рукавах. Вид у них был безмятежный, словно ничего особенного не происходило.

– Что тут такое? – крикнул Романов. – Кто старший?!

Солдаты разом обернулись.

Голос после ранения в шею у штабс-капитана был устрашающий. Врачи обещали, что со временем связки восстановятся и хрипота пройдет. О сцене, конечно, думать нечего, но какая к черту опера, какие романсы под фортепьяно после всего, что пережито за три военных года?

Один из курильщиков, с ефрейторскими лычками, окрика не испугался.

– А ты что за хрен?

Смерил офицера презрительным взглядом, плюнул на пол. Двое остальных тоже заухмылялись.

Ситуация была знакомая. В последние три месяца Романов оказывался в ней не раз и отлично знал, как себя нужно вести.

Революционная армия подорвала прежнюю систему подчинения, основанную на чиновничестве. Но не нужно думать, что наступило безначалие. Просто восстановились первобытные законы организации мужского общества: вожаки теперь определялись не по звездочкам на погонах, а по личным качествам. Мало кто из офицеров выдержал это испытание. Одни не сумели перестроиться, другие оказались слабы характером. А Романов сориентировался быстро. Принцип силы, так принцип силы.

На фронте он поступал так: выбирал главного заводилу (всегда найдется смутьян, который баламутит солдатскую массу) и хорошенько беседовал с глазу на глаз. Только следов на роже не оставлял. Между прочим, никто ни разу в солдатский комитет не пожаловался, хотя офицерское рукоприкладство по революционным временам считалось страшным преступлением. Человек примитивного устройства к силе уважителен и без споров признает за нею право на верховенство.

В штабе армии Романов был одним из немногих начальников, с которым все нижние чины держались так же, как до переворота: и честь отдавали, и по

стойке «смирно» тянулись. Даже выдвигали в комитет, но Алексей из-за множества служебных дел взял самоотвод.

Пускать в ход кулаки, собственно, приходилось редко. Хватало одного взгляда и бешеной гримасы, которая перекашивала лицо штабс-капитана в минуту гнева. За годы войны ярости в душе накопилось много – иногда казалось, что весь из нее одной и состоишь. При малейшей провокации лютая злоба вскипала в секунду. Романов ощущал себя раскаленным самоваром, который пышет паром и плюется обжигающими брызгами.

– Что-о-о? – удавленно засипел штабс-капитан.

Голубые глаза стали белыми и намертво впились в физиономию хама. Пальцы откинули клапан кобуры.

Все трое красноповязочных моментально вспомнили, как устав предписывает вести себя со старшим по званию. Винтовки – к ноге, грудь вперед, подбородок вверх. Ефрейтор стоял бледный. Сглотнул слюну.

– Виноват, господин штабс-капитан. Тёмно. Не разглядел.

На лестнице, положим, было светло, но придирааться Алексей не стал.

– Что тут творится? Вы кто такие?

– Мобильный отряд особого назначения, господин штабс-капитан! Прибыли согласно приказу занять помещение!

Мобильный? Романов вспомнил, что вдоль улицы стояло несколько грузовиков и легковых автомобилей – он не придал этому значения.

– Какого такого особого назначения?

– Состоим в распоряжении господина комиссара! Тут теперь ихний штаб будет, а мы при нем!

Пытаться что-то выяснить у перепуганного ефрейтора было пустой тратой времени.

– А комиссар где?

– Так что наверху, в кабинете! Колидором и направо.

В кабинете Козловского, сообразил Алексей.

Кивнув солдатам, поднялся выше. По крайней мере, выяснилось, с кем тут разговаривать.

За спиной слышалось:

– Еще один шумный. Щас его гавкать-то отучат...

Господин комиссар

В коридоре бродили какие-то люди – и солдаты, и штатские, – сваливали кучами папки и бумаги, собирали мусор в рогожные мешки. Через распахнутые двери было видно, как из некоторых комнат документы вышвыривают прямо в окно – должно быть, лень возиться.

Чувствуя, как дергается щека, штабс-капитан убыстрил шаг. Он знал, какой ценой оплачена вся эта писанина: не деньгами – жизнями.

В кабинете начальника двери тоже были нараспашку. Расхристанный матрос волок прочь холст в массивной золотой раме: с него щурился лобастый сановник в лентах и орденах. Подполковник Козловский свято чтит память Петра Аркадьевича Столыпина и держал его портрет у себя над столом, хотя в нынешние революционные времена убиенного премьера называли не иначе как «реакционером» и «вешателем».

Пользуясь тем, что матрос не закрыл за собой дверь, Романов вошел без стука.

Из кабинета всё уже вычистили. Шкафы стояли пустые; оперативные схемы и фотографии разрабатываемых «объектов» со стен исчезли – осталась лишь карта фронтов. Перед нею-то и стоял невысокий, плотненький господин в хорошем френче без погон и чудесных желтых крагах, задумчиво подперев щеку.

– Что тут творится? – повторил Романов вопрос, который уже задавал солдатам.

Незнакомец проворно обернулся. Оказалось, что он не подпирает щеку, а осторожно ощупывает свежий синяк, расплзающийся по скуле. И смотрел человек не на карту боевых действий, а в маленькое зеркало, перед которым Козловский обыкновенно подкручивал свои длинные усы.

Кроме синяка удивительно было еще и то, что на френче у побитого господина недостает трех верхних пуговиц.

Увидев офицера, человек приосанился.

– Вы, должно быть, в Управление контрразведки, штабс-капитан? Это учреждение ликвидировано, помещение передано нашему ведомству. Я товарищ председателя комиссии по административной реформе Рунге, комиссар Временного правительства. А вы, позвольте узнать...

– Это у вас называется «ликвидацией»? – Романов старался сдерживаться. – Выбрасывать из окон секретную документацию? Где подполковник Козловский?

Полное лицо комиссара Рунге зарумянилось, глаза сверкнули.

– Вы, собственно, кто такой?

– Штабс-капитан Романов. Вызван телеграммой с Северного фронта. Где подполковник Козловский, я спрашиваю!

Нескрываемая враждебность вопроса-требования заставила комиссара отступить назад. Судя по испуганно-любезной улыбке он собирался сменить тон и пуститься в какие-то объяснения, но тут за спиной у Алексея раздались шаги. Повернувшись, он увидел, что в приемной собрались люди. Впереди – давешний

ефрейтор. Винтовку он держал наперевес.

При виде подмоги комиссар сразу перестал улыбаться.

– Козловский арестован, – сухо отрезал он.

– За что?!

– Оскорбление действием полномочного представителя власти. – Господин ткнул пальцем в кровоподтек, скривился от боли, рассердился. – Ваша реакционная лавочка закрыта! Новая Россия не нуждается в секретных службах и шпионских играх! Мы живем в эпоху открытости и революционного порыва, в эру свободного волеизъявления масс. Управление, которым руководил Козловский, закрыто, ибо оно вопреки строжайшему запрету вмешивалось в политическую жизнь республики! Вместо того чтоб обезвреживать германских шпионов, здесь шпионили за вождями революционных партий!

– Значит, для этого были основания. Я хорошо знаю князя. Он никогда не интересовался политикой.

– Время князей закончилось! – Рунге повысил голос – в прихожей одобрительно загудели. – Сказано вам: лавочка закрыта. Зря прокатились с фронта, штабс-капитан. Отправляйтесь обратно.

Алексей сдвинул брови.

– Если Управление контрразведки ликвидировано, мне на прежнем месте службы делать нечего. Прошу назначения в боевую часть.

Господин комиссар поглядел на него с усмешкой.

– Похвально, очень похвально. Это я вам с удовольствием устрою. Знаете что, голубчик? Вы прямо сейчас отправляйтесь в военное министерство, к комиссару Нововведенскому. Я ему протелефонирую, предупрежу, чтобы подыскал для вас самое что ни на есть превосходное назначение. И быстро, без волокиты.

Напоследок Рунге улыбнулся штабс-капитану уже безо всякой фальши, а с искренним удовольствием.

Еще один комиссар

Комиссар Нововведенский принял Романова сразу же. Не обманул побитый Рунге – предупредил своего знакомого.

Немного странно было, что адъютант, доложивший о штабс-капитане, не удосужился выйти – остался в кабинете. Кроме того, в креслах сидели еще два господина полувоенного вида, обернувшиеся на Алексея с хитроватым видом и тоже не выказавшие желания удалиться.

Романову это было все равно. Никаких тайных разговоров он вести не собирался.

Нововведенский сидел под большим фотографическим портретом Александра Керенского и, видимо, очень старался быть похожим на своего министра: волосы тоже стриг ежиком, значительно хмурил брови. Но глаза посверкивали озорно – видимо, комиссар был человеком веселым.

С первой же фразы он взял ернический тон, от которого у штабс-капитана заходили желваки.

– Знаю, что вы изъявили готовность кинуться в самое пекло. И давно пора. Не всё ж по штабам сидеть, – сказал Нововведенский, наскоро проглядев послужной список.

– Господин комиссар, – прохрипел Романов. – У меня, как вы можете заметить, два «георгия»: солдатский и офицерский!

– Знаем-знаем. В контрразведках-охранках ордена щедро давали. – Глядя в залившееся гневным багрянцем лицо офицера, комиссар широко улыбнулся. – Да вы не волнуйтесь. Я уже приготовил для вас отличное назначение. Возможно, оно вас испугает. Уже несколько человек отказались.

За спиной у Романова послышалось прысканье. Обернулся – это давился смехом адъютант. Двое остальных зрителей сидели с каменными лицами, но в глазах у обоих поигрывали искорки.

– Поеду на любой фронт. Согласен на любую строевую должность. Имею боевой опыт. Осенью четырнадцатого ранен в атаке. В пятнадцатом году вывел из окружения под Бобруйском батальон.

– Батальон – это замечательно, – покивал комиссар. – И готовность послужить отечеству – тоже чудесно. Значит, не откажетесь от назначения, которое напугало предшествующих героев?

– Не откажусь, – твердо сказал Алексей.

Должно быть, эти господа действительно полагают, что служба в контрразведке – нечто сугубо кабинетное. Ни на одном фронте не сыщется участка, который испугает человека, прошедшего через кемерские болота.

– Слово офицера? – с серьезным видом спросил Нововведенский. – Ну что ж, коли так... У меня тут заявка на помощника командира некоего грозного формирования... Строго говоря, старшего инструктора по строевой и боевой части...

Адъютант издал нечто вроде стога. Один из полувоенных поспешно закрыл лицо платком и высморкался.

– Господа, вы мешаете, – укорил их комиссар. – Хм. Да. Так вот, по приказу главнокомандующего, ввиду предстоящего наступления, создается ударный бабальон... Пардон, оговорился: батальон...

Оглушительный хохот в три глотки не дал ему договорить. Алексей с изумлением посмотрел на весельчаков. Но и хозяин кабинета уже не мог держать лицо – весь трясся от смеха.

– «Ударный Батальон Смерти» – вот как это называется.

Штабс-капитан пожал плечами. Какое трескучее наименование. Штурмовая часть? Интересно. Но почему эти кретины регочут?

– Позвольте вопрос. Я не понял, зачем в батальоне инструктор?

– Сами увидите. – Нововведенский поставил подпись. – Никаких вопросов. Дали слово – держите. Вот, здесь обозначено, куда вам надлежит явиться. Печать поставите в канцелярии.

Никаких вопросов так никаких вопросов. Романов развернулся, небрежно козырнул и вышел.

Вслед ему неся истерический гогот.

Русская Жанна Дарк

У ограды

Явиться следовало в Коломну, в здание женского института, где располагался штаб части с мелодраматическим названием. Будучи коренным петербуржцем, Алексей хорошо знал это место. Массивный учебный корпус идеально подходил для казармы, там можно было бы расквартировать не батальон, а целый полк. Высокая ограда отлично замыкала территорию, а обширный луг мог быть использован для обучения и строевой подготовки. Именно ею, судя по гулким, далеко разносившимся командам, там в настоящий момент и занимались. – Рррравнясь! Пррравое плечо вперрёод! На фланге ширрре шаааг! – орал луженый голос.

Тревожное чувство, не оставлявшее Алексея после странной сцены в министерстве, немного отступило. Штабс-капитан подозревал, что противный комиссар Нововведенский откомандировал его в какую-то особенно разложившуюся часть, возможно даже со смутьянским душком и особой ненавистью к офицерству (подобных островков анархии в армии, увы,

становилось всё больше). Это объяснило бы злорадный смех штабных. Однако опасения не оправдались. Батальон, в котором на четвертом месяце революции проводятся строевые учения, мог считаться образцово-показательным. В большинстве частей по решению солдатских комитетов фронт и маршировка были давно отменены как ненужное издевательство над нижними чинами.

Вдоль решетки плотно стояли зеваки. Должно быть, горожане успели отвыкнуть от вида строевых занятий. Непонятен был только смех, раскаты которого возникали то в одной, то в другой части толпы. Чего тут гоготать? Или это род коллективного помешательства, которым заразился весь Питер? В военном министерстве хохочут, веселятся на улице. Не город – балаган.

На воротах висел большой плакат с какой-то надписью витиеватыми славянскими буквами, но прочесть ее штабс-капитан не успел. Поверх голов впередистоящих он посмотрел на плац и захлопал глазами. Взвод отработывал простой строевой маневр: поворот развернутой шеренгой, но была в этой картине некая странность, в которой Алексей не сразу разобрался.

Дело было не в исключительной неслаженности шеренги, которая изгибалась и ломалась, причем в центре солдаты сбивались с ноги, а крайние нелепо семенили, чтобы не отстать – ничего удивительного, если это новобранцы.

Что-то не так было с самими солдатами: низкорослыми, коротконогими и почему-то, как на подбор, широкими в бедрах.

Господи, да это женщины!

Романов затряс головой, ничего не понимая. Ошеломленно взглянул на плакат. Прочел: «ЗАПИСЬ В ЖЕНСКИЙ УДАРНЫЙ БАТАЛІОНЪ СМЕРТИ».

– Что это?! – пробормотал штабс-капитан, беспомощно озираясь.

Ближайший сосед, по виду приказчик из средней руки магазина, со смехом объяснил:

– Бабье уму-разуму учат. Всех бы их, Евиных дочек, этак вот погонять. – И, глядя на ошеломленную физиономию офицера, тоже удивился. – Вы что, сударь, газет

не читаете?

– Я только с фронта...

Его обступили со всех сторон, обрадовавшись благодарному слушателю. Заговорили наперебой.

Одни просто балагурили:

– Ну как же! Новое секретное оружие, ха-ха-ха! Женский стрелковый батальон. То-то немец напугается!

– Воинственные амазонки! Девы смерти!

Кто-то пытался объяснить приезжему человеку:

– Женщина – георгиевский кавалер, некто Бочарова, предложила военному министру создать воинскую часть из доброволок. Желающих очень много...

Однако шутников было больше.

– Я бы и сам записался! В баню сходить. Потри, браток, спинку!

– Га-га-га!

Господин в пенсне тонким голосом воскликнул:

– Стыдитесь! Плакать надо, а не смеяться! Довоевалась Россия! Только у женщин совесть и осталась! Не слушайте их, господин офицер. Когда прапорщик Бочарова призвала сестер к оружию, ей рукоплескала вся Россия!

Теперь Романов вспомнил, что некоторое время назад в газетах писали о какой-то женщине, произведенной за храбрость в офицерское звание. Тогда он решил, что это очередное революционное нововведение, демонстрирующее миру, какие мы стали передовые – и только. Но воинская часть из одних женщин?

С поля донесся жалобный, пронзительный звук. Это низкорослая пышногрудая барышня в гимнастерке и сползающей на лицо фуражке попыталась выдуть из горна какой-то сигнал.

– Зов чарующей Сирены, господа! Я изнемогаю! – крикнул остроумец, давеча пошутивший про амазонок.

– Утица закричала, – подхватил остряк попроще. – Кря-кря! Щас яйцо снесет!

Все вокруг засмеялись, а печальный господин в пенсне процитировал из Иоаннова «Откровения»: «Первый Ангел вострубил, и сделались град и огонь, смешанные с кровью, и пали на землю...».

Немедленно назад, в министерство, сказал себе Романов. Сказать этому клоуну: я не классная дама, дайте мне другое назначение. Однако ведь слово офицера...

Новый взрыв хохота – это одна из доброволок упала, поскользнувшись на траве.

– Гли, гли, умора!

– Домой ступай, дура! К папе с мамой!

Парень, что крикал уткой, теперь засвистел в два пальца – прямо в ухо. Романов в холодной ярости двинул свистуна локтем под ребра. Растолкал передних и, мрачнее тучи, пошел к воротам, за которыми, боязливо отставив от себя винтовку с примкнутым штыком, стояла тетка в новехонькой, с еще несмявшимися складками форме.

На плацу

– Эй, унтер-офицер! – издали хрипло заорал Романов. – Отставить занятия! Ко мне! Неряшливый вислопузый дядька (еще и с сигаркой во рту, это на учении-то!) обернулся на незнакомого штабс-капитана.

- Девоньки-теточки, постоять-оправиться!

Вразвалочку подошел, но все же откозырял. Его водевильное воинство немедленно разбилось на несколько кучек. Кто-то стал с любопытством разглядывать Алексея, другие о чем-то затарахтели.

- Начальник плац-команды Сидорук, - доложил унтер, немного подумал и принял довольно неубедительную стойку «смирно». Почувствовал по взгляду офицера, что так будет лучше.

- Где командир батальона? - рявкнул Алексей.

- Бочка-то? В штабе. - Начальник строевой команды кивнул на институтский корпус.

- Какая еще «бочка»?

- Все ее так зовут, господин штабс-капитан. Потому фамилия у ей Бочарова.

- У ей? Батальоном командует...женщина?!

Невероятно! Со слов чувствительного господина в пенсне Алексей решил, что прапорщик Бочарова состоит при батальоне чем-то вроде комиссара или «святой девы-вдохновительницы» - как Жанна Д'Арк при капитане Дюнуа.

- Так точно. Она боевая. Две ранения, полный георгиевский бант. - Сидорук понизил голос, перешел на доверительный тон. - Да всё одно - баба есть баба. А вы к нам что ли назначены? Ох, набедауетесь.

Алексей помолчал, переваривая информацию. Ну и скотина же комиссар Нововведенский! Деваться однако некуда.

- Во-первых, застегнуть ворот, - проскрипел Романов. - Во-вторых, сапоги чтоб сверкали. Вы - строевик, должны подавать пример, а похожи на обозного. В-третьих: командира батальона «Бочкой» и тем более «бабой» не называть. Ясно?

Вот теперь унтер вытянулся уже по-настоящему, как в прежние времена. И ответил четко:

– Так точно, ясно, господин штабс-капитан!

В женском институте

Стиснув зубы шел Алексей по длинному и широкому коридору, где еще недавно парами разгуливали институтки в белых фартуках. Сейчас вдоль стены выстроилась очередь: женщины и девушки, по преимуществу совсем молодые, по-разному одетые, с саквояжами, чемоданчиками и просто узелками. Те, что стояли ближе к лестнице, выглядели оживленными и шумно разговаривали, но по мере приближения к рекреационному залу болтовня звучала тише, а лица делались напряженнее.

В просторном прямоугольном помещении была устроена парикмахерская. Щелкали ножницы, трещали машинки, состригали под ноль и пышные куафюры, и девичьи косы, и модные прически «а-ля гарсон». Весь пол вокруг шести стульев был будто покрыт жухлой травой светлого, темного, рыжего оттенка. Шесть парикмахеров исполняли свою работу с одинаково траурными физиономиями. Мальчик-подмастерье ползал на корточках, отбирая самые пышные и длинные волосы – пригодятся на парики и шиньоны.

Романов замер от такого зрелища и не скоро тронулся с места. Много всякого повидал он на войне, бывал и под артобстрелом, и в атаке, и в окружении, но никогда еще не попадал в атмосферу столь всеохватного ужаса. Ужас застыл на лицах женщин, чья очередь стричься еще не подошла; ужасом были перекошены лица страдалиц, сидевших на стульях. Вот одна зарыдала в голос, схватившись за наполовину обритую голову. Плач был немедленно подхвачен еще двумя, уже остриженными – они обнялись, жалостно стукнувшись голыми лбами.

– Ой, мамочки, нет! Не буду! – взвизгнула девица, которую усаживали на стул, оттолкнула парикмахера, побежала назад, стуча каблучками – и заволновался коридор, заохал, закудахтал.

Но к освободившемуся месту подошла тоненькая барышня с чудесными светло-русыми волосами, взбитыми волной, с огромными глазами врубелевской царевны, с решительно поджатыми белыми губами.

- Стригите!

До того она была хороша, что парикмахер, уже завернув девушку простыней, всё медлил.

- Эх, рука не поднимается. Может, передумаете, мадемуазель? Я по-отечески. Куда вам на фронт? Вон ручки-то у вас. Только веером махать.

Но барышня сквозь зубы повторила:

- Стригите.

И упали на плечи прекрасные локоны, а затем машинка простригла по затылку дорожку, и в полминуты царевна-лебедь превратилась в гадкого утенка: маленькая голая головка на тонкой шее, а на макушке бледно-лиловое родимое пятно, прежде невидимое. И так стало Алексею противно от зрелища изуродованной, зря погубленной красоты, что он прошептал: «Черт знает что!» - и пошел прочь с проклятого места.

Где именно находится штаб батальона в этом содоме понять было трудно. Романов сначала поднялся на этаж, потом на два спустился. Можно было бы спросить у бродивших по корпусу доброволок, но Алексею не хотелось вступать ни в какие разговоры с этими горе-амазонками. Как к ним, собственно, обращаться? «Эй, солдат»? «Сударыня»?

Наконец набрел на дверь с табличкой «Директриса». Должно быть, здесь. Во всяком случае, перед входом торчал часовой (то есть, тьфу, часовая) со штыком на ремне.

- Господин офицер, сюда нельзя.

- Мне всюду можно, - огрызнулся Романов. - Я назначен старшим инструктором.

Коротко постучал, распахнул дверь. Увидел вереницу совершенно голых женщин, выстроившихся в очередь к столу, за которым сидели люди в белых халатах. Оглушенный визгом, захлопнул створку.

- Что тут такое? - зло спросил он у часовой, хотя и так было ясно: медосмотр.

- Медицинский осмотр. Потом - стричься. Потом - в баню. Потом - получать обмундирование. Такой порядок.

- А где командир батальона?

- Вон она, - показала куда-то в сторону солдатка (нет, «солдатка» - это жена солдата). - Интервью дает.

В дальнем конце коридора, у окна, виднелись три силуэта, высвеченные солнцем: длинный мужской, еще один мужской, но скрюченный над фотокамерой, и приземистый, бочкообразный, в галифе и фуражке.

- Ин-тер-вью..., - пробормотал Алексей, присовокупив нехорошее слово.

Ну понятно. Перед прессой красуемся.

- Что, господин офицер? - удивилась солдат (нет, так тоже не скажешь). - Извините, я не расслышала.

- Как вас называют? Не «солдат», не «солдатка». Вы сами как себя называете?

- Мы «ударницы». Ведь мы - Ударный батальон Смерти.

- Спасибо, что не «смертницы»...

Бочка

Фотограф полыхнул магнием, поймав хороший ракурс: толстуха в офицерском френче картинно оперлась кулаком о монументальное бедро, а щекастую физиономию с носом-кнопкой гордо задрала кверху.

Хоть на груди (большущей, непонятно как втиснувшейся в военную форму) сверкали начищенные кресты и медали, баба-прапорщик произвела на Алексея неприятное, даже отталкивающее впечатление. Вся она была каким-то издевательством, глумлением и над боевыми наградами, и над честью мундира. Лицо плоское, грубое, глаза с порсячими ресницами, голос прокуренный – и видно за двадцать шагов, что вся исполнена сознанием своего величия. Что там она отвечала журналисту, важно кивая головой, Романов не слышал. Он остановился на изрядном расстоянии, дожидаясь, пока Бочарова закончит пыжиться перед прессой.

Уже придумалось, как выпутаться из этого скверного анекдота. Нужно с ходу нагрубить, повести себя вызывающе. Надутая индюшка нипочем такого не стерпит, выгонит непочтительного помощника в шею. Тогда можно с чистой совестью, не нарушив слова, идти за новым назначением.

– Госпожа Бочарова, наши читатели интересуются, почему вашей части дано такое поэтическое название: «Батальон смерти»? – спросил корреспондент.

Тут Алексей сделал несколько шагов вперед. Любопытно было послушать, что она ответит.

Вблизи стало ясно, что Бочарова не важничает и не позирует, а просто переминается с ноги на ногу от нетерпения и явно хочет побыстрее отделаться от интервьюера.

Хмурясь, она коротко ответила:

– Потому что мы все умрем.

Сказано было без пафоса, скорее с досадой, словно женщине скучно объяснять очевидные вещи. Романов сощурился, решив приглядеться к этой шарообразной тетке получше.

– Но на войну идут, чтоб победить, а не чтоб умирать, – возразил репортер.

– Это мужчины. А женщина, коли уж взяла ружье, значит, совсем край. Вот полягут мои девочки, мужики на это поглядят. Может, стыд их возьмет. И бросят дурака валять, возьмутся воевать всерьез. Тогда немец сам мира запросит, война и кончится... Всё, времени больше нет. Дел много.

Маленькие глазки были устремлены на Алексея.

– Вы ко мне?

С грубостью Романов решил пока повременить. Слова Бочаровой его поразили.

– Штабс-капитан Романов, назначен старшим инструктором.

Командир батальона пожала ему руку. Лапища у нее была большая и сильная, неженская. Предписание Бочарова читала медленно, шевелила губами, как обычно делают не шибко грамотные люди.

– Нужен портрет, для первой полосы, – попросил фотограф.

Бочка (прозвище очень к ней шло) расправила складки френча, выпятила грудь, грозно сдвинула белесые бровки, но снимок был испорчен. Из-за угла донесся топот, крики, и командирша повернула голову.

– Госпожа начальница!

К ней с плачем кинулась девушка в гимнастерке, но без фуражки. Луч солнца сверкнул на бритом черепе. Следом высыпала целая гурьба таких же тонкоголосых солдат. Заговорили разом.

– Я больше не буду! – рыдала непокрытая. – Честное слово! Миленькая, родненькая! Вот на кресте побожусь! – Вытянула крестик. – Уши-то вон они! Сами поглядите!

Завертела головой, демонстрируя маленькие, аккуратные ушки.

Остальные кричали:

– Она сережки в уборную выбросила! Честное слово! Соня больше не будет! Не выгоняйте ее, пожалуйста!

Бочка топнула ногой:

– Я сказала – всё. Домой ступай!

Рыдающая упала на колени, воздела руки:

– Ну заради Бога! Простите, госпожа начальница!

– Форму сдай и чтоб ноги твоей здесь не было.

– Госпожа начальница, ну куда она пойдет? Волосы обрила, сережки золотые выкинула! Мы все за нее просим!

Лицо командирши побагровело. Она взялась обеими руками за ремень, будто хотела выпрыгнуть из своих необъятных галифе, и гаркнула голосом, от которого задрезжал стекло:

– Молча-ать! Смирно! – Все ударницы кроме той, что стояла на коленях, испуганно вытянулись. – Кррругом! Шагом марш!

Толкаясь локтями, испуганные женщины карикатурным строевым шагом удалились, осталась лишь безнадежно всхлипывающая изгнанница.

– Могу я узнать, в чем провинилась эта девушка? – спросил корреспондент.

– Сережки навесила.

С улыбкой покосившись на Алексея, журналист заметил:

– Это преступление небольшое.

- В уставе нигде не прописано, чтоб солдат серьги носил.

Репортеру было жалко бедняжку.

- Но в уставе нет ничего и про женщин-солдат. Простите ее, право, для первого раза. Вы же видите, как она раскаивается.

Девушка с надеждой протянула к командирше сложенные руки:

- Никогда в жизни больше сережки не надену! Чем хотите поклянусь!

Бочка тяжело вздохнула. Сначала ответила журналисту:

- Поймите вы. Раз сережки нацепляет, значит про жизнь думает. А нам надо к смерти готовиться.

Девушке же сказала тихо, но твердо:

- Уходи, Семочкина. Живи. А волосы новые вырастут... Пойдем, капитан, потолкуем.

Взяв Алексея под локоть, повела его прочь.

Пока шли до штаба, расположившегося в бывшем танцклассе, начальница батальона наскоро рассказала, как обстоят дела.

Доброволок уже набралось больше, чем достаточно, а все идут и идут. Призыв защитить отечество нашел отклик у многих женщин. С обмундированием, оружием и довольствием тоже всё хорошо - верховный главнокомандующий приказал снабжать батальон вне категорий. Делу придается большое значение. Не военное, конечно: понятно, что ни батальон, ни полк, ни даже дивизия женщин положение на фронте не изменят. Но движение может вызвать новый взрыв патриотизма, укрепить боевой дух уставшего от войны народа.

Романов слушал очень внимательно. Затея уже не казалась ему ни водевильной, ни абсурдной.

– ...Две тыщи записались, – говорила Бочарова. – А скольких медицинская комиссия отсеяла – не счесть. Я докторов попросила построже. Чтоб ко всему придирались. Старше тридцати пяти лет не принимаем. Которые с детьми – тоже. А всё одно много. Конечно, большинство через неделю сбегут, не выдержат. Иных я сама выгоню, как эту, с сережками. Человек триста оставлю, больше не нужно. Но уж жемчужину к жемчужине. Чтоб ни одна не дрогнула, не опозорила.

– Интеллигентных, кажется, много, – сказал Алексей, приглядываясь к лицам ударниц, что попадались им по дороге и старательно салютовали офицерам. – Не привыкли они к лишениям. Трудно им будет.

– Да, образованных большинство. Они душою выше, потому что вдали от грязи росли. Но есть и работницы, кухарки, горничные. Я вот сама – мужичка бывшая. Вся женская Россия собралась... Мне хорошие инструктора позарез нужны. Я же неученая, звездочку на погон получила за кресты и ранения, а пуще того – для революционного примера. Одно название что офицер. Очень я на вас, господин штабс-капитан, надеюсь. Но только... – Она остановилась и снизу вверх, исподлобья, глянула на Романова. – Два вопроса у меня к вам сначала будет.

– Спрашивайте.

– Первый вопрос такой. Сможете вы на женщин только как на солдат смотреть? Если нет – лучше сразу уходите.

Отличный был момент, чтобы избавиться от позорного назначения. Но упустил Алексей свой счастливый шанс. Ответил:

– Смогу.

И подумал про себя: какие ж это женщины – лысые уродки в мешковатых гимнастерках и ботинках с обмотками? Прямо скажем, не искушение святого Антония.

– Слово?

– Слово. Скажите, а зачем их машинкой наголо бреют?

– Чтоб вшей не разводиться.

Алексей пожал плечами:

– Даже мужчин сейчас под ноль не корнают. Можно было б стричь коротко. Ведь у вас там на парикмахерском пункте ужас что такое. Вой, как на похоронах.

– Это и есть похороны. Монашек раньше, я читала, тоже волос лишали. Потому что они из мира уходили. Мы тоже уйдем. Голову теряешь – что ж по волосам нюниться?

Она всё еще смотрела на него испытующе.

– Теперь второй вопрос. Командир батальона – я. За совет хороший в ноги поклонюсь, но если что приказала – выполнять без споров и обид. Хоть я женщина полуграмотная и только прапорщик, а вы штабс-капитан и по лицу видать, что в университетах обучались.

– Неужели еще видно? – удивился Алексей. – Я уж и забыл... А насчет субординации не извольте беспокоиться. Должность выше чина. И ваш пол меня, пожалуй, тоже не смущает. Жанна д'Арк была неграмотная крестьянка, но ей беспрекословно повиновались первые рыцари французского королевства.

Они уже подошли к двери, на которой белел листок с красивой надписью «ШТАБЪ БАТАЛІОНА», но тут Бочка остановилась, поглядела вокруг и понизила голос.

– Заладили все: «Жанна, Жанна». А я ее на картинке видала. На меня несколько не похожа. Она красивая была, тоненькая, как гимназистка. А я вон – бабища каменная.

Она похлопала себя по здоровенным бедрам.

– Жанна д'Арк была точь-в-точь такая, как вы, – уверил ее Романов. – Можете не сомневаться. Если б была тоненькая, не смогла бы носить железных лат и меча бы не подняла.

Тут оказалось, что Бочка умеет улыбаться – обрадовалась, что похожа на французскую Деву. Широкое лицо засияло, словно выглянувшее из-за туч солнце, сделалось по-детски простодушным, и Романов подумал, что эта женщина, вначале показавшаяся ему сорокалетней, совсем еще молода. Возможно даже, его ровесница.

В танцклассе

Когда-то в этой зале с зеркальными стенами и ослепительно лакированным полом юные барышни учились бальным танцам, которые так необходимы девице, вступающей в жизнь. Сейчас поверх зеркал были наклеены плакаты с цитатами из воинских уставов, паркетный пол покрылся пятнами от сапожной ваксы, а рояль превратился в стеллаж, заставленный ящиками с облегченными гранатами Лемона – так называемыми «лимонками». Батальонная канцелярия расположилась на нескольких партах: пишущая машинка, переносной сейф, кипы бумаг. В углу – складная койка, над которой торчала деревянная вешалка для верхнего платья. Там висели шашка, кобура, бинокль, а венчала эту конструкцию фуражка с кокардой в виде черепа и костей.

– Хотела всем такую заказать, да не успевают, – сказала Бочарова. – Только погоны сделали особенные и нарукавный шеврон. Времени мало. Через две недели, много через три, нам нужно быть на фронте. Не в кокарде дело! Меня боеготовность тревожит. Вот скажите мне, можно за такой срок их хоть как-то к фронту приготовить?

Они стояли у окна, наблюдая, как на плацу всё тот же унтер-офицер обучает взвод штыковому бою. Три девицы старательно, но неловко тыкали винтовками в соломенные чучела. Инструктор что-то им объяснял, качая головой.

– Слезы, а не ученье. – Командирша вздохнула. – Покурим?

От протянутого портсигара отказалась, сказала, что привыкла к солдатским, и скрутила себе сигарку из махорки.

– Что молчите, штабс-капитан? Вас ко мне помощником прислали, так помогайте! Не говорите только, что за две недели толпу баб и девок ничему научить нельзя. Это я без вас много от кого слыхала.

– Две недели? – Алексей выпустил струйку дыма. – М-да. Любой нормальный строевик за такое дело не взялся бы. Но я служил в контрразведке. Мне к невозможным задачам не привыкать. Стало быть, так... К штыковой атаке готовить личный состав не будем. Пустая потеря времени. Лучше освоим окапывание и огневую подготовку. Для меткой стрельбы физическая сила не нужна, довольно аккуратности, а у женщин с аккуратностью всё в...

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/boris-akunin/batal-on-angelov>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)